

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Юрий Коваль

НЕДОПЁСОК

Юрий Иосифович Коваль
Недопёсок
Серия «Школьная библиотека
(Детская литература)»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8019117
Недопёсок: Мальши; Москва; 2011
ISBN 978-5-08-004743-5

Аннотация

Повесть Ю. Ковалья «Недопёсок» рассказывает о неожиданных приключениях маленького песца Наполеона Третьего, а также о дружбе, справедливости и любви к своей Родине.

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Коваль – это планета с мощным гравитационным полем...	6
Недопёсок	21
Часть первая	22
Побег	22
Алюминиевый звон	24
Характер директора Некрасова	25
Давило	30
Снежное поле	34
В лесу	35
Кто стрелял?	38
Верея	41
Барсучья ночь	44
Маркиз	46
Сто шестнадцатый разрывается на части	51
Серая лиса	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Юрий Коваль

Недопёсок

© Коваль Ю. И., наследники, 1975

© Скуридина И. И., вступительная статья, 2006

© Калиновский Г. В., наследники, рисунки, 1975

© Бастрыкин В. В., рисунки на переплёте, 2011

© Оформление серии. ОАО «Издательство «Детская литература», 2011

* * *

Jupp Koban

Коваль – это планета с мощным гравитационным полем...

9 февраля 1938 года в Москве родился Юрий Иосифович Коваль. Отец его служил в уголовном розыске, а мать была врачом-психиатром. Писатель никогда не жаловался на тяжёлое детство, пришедшееся на войну, но эвакуация, голод и холод тех лет отозвались в его жизни костным туберкулёзом.

В семье Ковалья не было литераторов, зато со школьным преподавателем литературы ему несказанно повезло. Владимира Николаевича Протопопова, описанного позже в повести «От Красных ворот», никак нельзя было назвать типичным учителем. Он был талантлив и странен во всех своих проявлениях и, может быть, поэтому разглядел в «среднем» ученике, которого надо было подтянуть по литературе, личность... На уроках будущий писатель и его близкие друзья сочиняли стихи, а классе в восьмом они даже образовали тайный союз поэтов, чем изрядно взволновали родителей.

Вечерние беседы о литературе сделали своё дело, и в 1955 году Юрий Коваль поступил в Московский пединститут, где с первых дней учебы прослыл незаурядной личностью. Круг его интересов был удивительно широк: он занимался прозой Зоценко, рисовал в изостудии, пел и играл на пианино, банджо, гитаре, сочинял стихи и прозу для институтской газеты,

«резался» в настольный теннис и ходил в походы... Всякое было в те годы: и прогулы лекций, и споры до хрипоты, кто хуже учится, и «шпаргализация» вопросов для зачётов, как говаривал известный бард Юлий Ким, учившийся на параллельном курсе, и разработанная Ковалём остроумная система подготовки к экзаменам по литературе: он приглашал девушек в кино и театр на постановки произведений, которые не успел прочесть. Короче говоря, в студенческие годы Коваль был настоящим гусаром.

Годы учения в институте можно смело назвать лицейскими, решающими в формировании будущего писателя. Это был «золотой век» Пединститута, преподавательский состав в то время сложился блестящий, и студенты ему соответствовали: с Юрием Ковалём учились ставшие известными всей стране барды Юрий Визбор, Юлий Ким и Ада Якушева, поэт Юрий Ряшенцев, театральный режиссёр Пётр Фоменко и многие другие. Главная задача учителя была, по словам соратника Ковалья, будущего директора школы Семёна Богуславского, развивать в себе незаурядность, чем, собственно, и старались заниматься тогдашние студенты. Большую часть времени они проводили в институте, дневали и ночевали там порой в прямом смысле слова, а частые туристические походы помогали не расставаться.

Несмотря на публикации в институтской газете, Юрий Коваль не был доволен написанным. И так уж получилось, что, сочиняя с детства, в живописи он всё же проявил себя рань-

ше, чем в прозе: в институте закончил курс изобразительного искусства и, получив звание преподавателя рисования, готовил себя к карьере художника.

Уже в начале 1960-х ему как художнику было что показать. Тогда, отработав год после института в сельской школе в Татарии, он привёз в Москву несколько взрослых рассказов и целую серию ярких живописных полотен, написанных маслом. Рассказы не были опубликованы, а вот поражающие буйством красок картины были бурно, хотя и неоднозначно приняты в мастерской его друзей, скульпторов Владимира Лемпорта, Вадима Сидура и Николая Силиса. С этими художниками, которых он впоследствии называл своими учителями, Юрий Коваль не прерывал связь до последнего дня своей жизни, без малого сорок лет. Это с их лёгкой руки он приобщился к скульптуре, делал и обжигал в их печи керамические тарелки и панно, нашёл свой стиль в технике горячей эмали. В свою очередь они признавали, что интересом к живописи их заразил именно Коваль.

Вернувшись из Татарии, Юрий Коваль несколько лет работал учителем в школе рабочей молодёжи, литсотрудником в только что созданном журнале «Детская литература», иногда печатаясь вместе с однокурсником Леонидом Мезиновым под псевдонимом Фим и Ам Курилкины, а в 1966 году навсегда ушёл на вольные хлеба. В те годы в издательстве «Малыш» были опубликованы первые книжки Ковалья: сборники стихов «Станция Лось» (1967) и «Слоны на Лу-

не» (1969).

По заданию журнала «Мурзилка» в 1968 году поэт Юрий Коваль отправился в командировку на погранзаставу, а вернувшись в Москву, вместо стихов о границе написал рассказ «Алый», принёсший ему первый громкий успех. «Вот тут-то я и поймал прозу за хвост», – сказал об этом времени писатель. Жизнь погранзаставы и борьба с нарушителями границы описаны в этом рассказе, но всё же он о верности и любви человека и собаки. Молодой писатель не боялся «недетских» тем, оставаясь при этом искренним и поэтичным, как в описании смертельно раненного, истекающего кровью пса: «Кошкин поднял его, и тепло-тепло стало его рукам, будто он опустил их внутрь абрикоса, нагретого солнцем». Рассказ издали огромным тиражом, о нём написали в газетах и журналах, кинорежиссёр Юлий Файт снял по сценарию писателя художественный фильм.

После «Алого» Юрий Коваль продолжал писать и публиковать рассказы из «пограничной» серии, но почему-то не был ими доволен. И тогда произошло важное событие в его литературной биографии: он принял решение не работать долго в одном жанре, менять его практически в каждом новом произведении.

Ещё школьником Коваль увлёкся охотой и со знакомыми охотниками совершал короткие вылазки в леса, в институтские годы он был уже заядлым охотником и рыболовом. Однако редко встретишь в его прозе сцены охоты, мало того,

всю сознательную жизнь Юрий Коваль считал защиту природы самым главным делом на земле.

Регулярными стали дальние поездки в глухие уголки и маленькие деревни Урала и русского Севера, где он жил порой неделями и месяцами. Автомобильные и пешие путешествия по Вологодчине и жизнь на Цыпиной горе возле Ферапонтова монастыря сформировали интерес писателя к традиционному деревенскому и особенно северному русскому быту и языку.

Вокруг Ковалья царил атмосфера творчества. Уезжая из Москвы, по его настоянию, друзья брали с собой альбомы для рисования, карандаши и фломастеры. С удовольствием ведя свои дневники поездок, он приучил и многих из них записывать значимые события прошедших дней. Коваль не был педантом, с карандашиком и записной книжкой в руках не ходил, равнодушен был и к сбору вырезок о себе и своём творчестве из журналов и газет. Его записи были дневником художника, он вёл их в больших альбомах, называл «Монохрониками» и клеивал туда же наброски, рисунки и разные памятные бумажки. Работа эта спасала в трудные времена, помогала оставить в памяти важные и мелкие подробности жизни.

На основе этих записей позже было написано и опубликовано «Веселье сердечное», повествование, сохранившее бесценные сведения о старшем друге Ковалья – самобытном писателе-сказочнике Борисе Шергине. Молодым журнали-

стом-словесником пришёл он когда-то брать у Шергина интервью и был потрясён встречей с полуслепым стариком, открывшим для многих из нас неведомый богатый мир архангельских былин и сказаний. Шергин стал для Юрия Ковалья наставником и учителем, дал ему рекомендацию в Союз писателей.

Четыре рассказа, привезённые из Ферапонтова, легли в основу книги «Чистый Дор» (1970). В книгах Ковалья того времени, как в размышлениях его героини, девочки Нюрки, радость и печаль рядом, жизнь и смерть не противостоят друг другу, а сосуществуют на фоне вечно обновляющейся природы. В литературе для детей появился новый герой – бесхитростный и хитроватый одновременно, способный на поступки, по-детски открытый, радостно воспринимающий природу и людей.

Именно тогда Юрий Коваль окончательно и бесповоротно решил быть детским писателем. «Всё, что я мог бы сказать взрослым, я говорю детям, и, кажется, меня понимают. Именно занятия детской литературой очистили мой стиль, прояснили мысли, выжали воду из произведений», – писал Коваль. Помогала ему в работе отчасти фантазия, но более всего – память и зоркость. Он видел то, чего не видели его спутники, шедшие с ним рядом той же дорогой. А если видели и называли, то, назвав, забывали, а он подхватывал и своё, и чужое вылетевшее и забытое слово и вплетал его в ткань того, что писал в данный момент. Да так, что сказавшему

оставалось только удивляться. В рассказах Ковалья обыкновенные берёзовые веники в раскалённой бане «жар-птицами слетали с потолка», «картофельная собака» Тузик при встрече «фыркал и кидался с поцелуями, как футболист, который забил гол», яркая клеёнка с васильками в деревенском магазине ослепляла, «будто кусок неба, увиденный со дна колодца», а на воображаемых погонах дошкольника Серпокрылова «куда больше сверкало звёзд, чем в созвездии Ориона».

Новый поворот жанра назрел, и в 1971 году вышел в свет пародийный детектив «Приключения Васи Куролесова». Герои и сюжетная канва были взяты из рассказов отца писателя, начальника Уголовного розыска Московской области, дослужившегося до звания полковника. Он не участвовал в битвах на фронтах, но во время войны ловил бандитов, и в 1943 году те прострелили ему обе ноги и живот. «Все мои книги он очень любил, охотно их читал и цитировал, – вспоминал писатель. – Правда, при этом говорил: „Это, в сущности, всё я Юрке подсказал“. Что и правда в смысле Куролесова и куролесовской серии».

Юрий Коваль гордился своим отцом и очень ценил его колоритный малороссийский юмор. От него, очень смешливого и смешившего слушателей любым своим рассказом, писатель узнавал забавные детали уголовных историй и типичные черты представителей бандитского мира. В результате в этой и других книгах серии – «Пять похищенных монахов» (1977) и «Промах гражданина Лошакова» (1989) – бан-

дитов не осуждает суд и не бичует сатира: они просто выпадают из жизни, как несовместимые с красотой и гармонией природы.

На вечере Юрия Коваля в детской библиотеке на сцену вышла библиотекарь с лохматой, зачитанной книжкой в руках – это были «Приключения Васи Куролесова». «Сколько писателей, – сказала она, – мечтают, чтобы их книги в библиотеках были именно такими, зачитанными до дыр, в то время как у многих из них книжки стоят на полках новенькими и блестящими, потому что их не касалась рука читателя».

Юмор и острая фабула – приметы прозы Юрия Коваля, считавшего, что воспитание чувства юмора – это в конечном итоге воспитание свободы души. В 1972 году повесть «Приключения Васи Куролесова» победила во Всесоюзном конкурсе на лучшую детскую книгу. Ещё раньше по счастливой случайности она попала в руки известного немецкого переводчика Ханса Бауманна, что предопределило ее судьбу за границей: повесть была переведена на разные языки и издана по всей Европе и на других континентах.

Друзьями Юрий Коваль не был обделён никогда и «случайная» встреча с прекрасным переводчиком в Германии была закономерной удачей. «В нём была необыкновенность, особость таланта, – вспоминала его однокурсница, филолог Роза Харитоновна. – Он помнил каждого человека, который оставил след в его душе. Коваль обладал редким даром: ря-

дом с ним человек чувствовал себя красивее, умнее, достойнее, чем думал о себе прежде».

За комическим детективом в творчестве Юрия Ковалёва последовал цикл коротких рассказов о природе «Листобой» (1972), где тонкий лиризм соединяется с неизменной иронией и самоиронией, и сборник «Кепка с карасями» (1974) – итог десятилетней работы в детской литературе... Писателю совсем стыдно не знать, что его окружает, – птицы ли это, звезды или растения, считал Юрий Коваль. «Все, что я ни придумал бы сам, всегда хуже того, что я увидел в природе. Безмерно приятно узнать растение в лицо и сказать кому-то: „А вот козлобородник“». Одной из его настольных книг был двухтомник «Травянистые растения СССР», который он купил в трех экземплярах – так ему понравился текст и рисунки. Однажды друг Юрия Ковалёва, детский писатель Виталий Коржиков, посадил дуб и поделился с ним желанием видеть этот дубок таким же, как красавец дуб на иллюстрациях их общего друга, известного книжного художника Николая Устинова. «А ты возьми Колин рисунок, – сказал Коваль, – и дубу покажи». «Ты с ума сошёл», – сказал Коржиков, но рисунок дубу всё же показал. И кажется, тот всё понял.

Во время поездки Юрия Ковалёва и Николая Силиса на Урал брат скульптора Вадим привёл их однажды на звероферму. Из этого маленького эпизода вышла впоследствии замечательная повесть «Недопёсок» (1975) – о приключении

ях молодого песка, сбежавшего из своей клетки. По этой повести кинорежиссёр Эдуард Бочаров вскоре снял фильм, а артист и сказочник Николай Литвинов поставил радиоспектакль, для которого Коваль написал и исполнил несколько песен. Видя природный артистизм Ковалья, Литвинов сразу понял, что никто не прочтёт текст от автора лучше его самого. Так оно и получилось. А сама книжка, как и раньше, не залёживается на полках книжных магазинов: во времена рыночного изобилия «Недопёсок» продолжает оставаться книжным и библиотечным дефицитом.

С конца 1970-х по 1990-е годы в творчестве Юрия Ковалья на первый план вышли взрослые рассказы, вошедшие в книгу «Когда-то я скотину пас» (1990), и рассказы-миниатюры, написанные к рисункам Татьяны Мавриной и составившие шесть книг: «Стеклянный пруд» (1978), «Заячьи тропы» (1980), «Журавли» (1983), «Снег» (1985), «Бабочки» (1987), «Жеребёнок» (1989). В этой серии уникальный творческий союз писателя и художника соответствует детскому восприятию мира – в единстве цвета, звука и слова. Книги эти были прекрасно изданы, на форзаце красовалась золотая медаль Андерсеновской премии – из писателей и художников нашей страны до сих пор лишь Татьяна Маврина удостоена этой высшей награды Международного совета по детской книге (IBBY). Юрий Коваль знал и любил художников, в том числе иллюстраторов книг, и высоко ценил хорошо изданную книгу.

В «Полиньных сказках» (1987) Юрий Коваль описал деревенскую жизнь средней России во всём её многообразии от весны до зимы, от сева до уборки, от рождения до смерти. Есть здесь печаль и боль, и все же эта книга – о счастье и гармонии. Писатель задумал её как дань уважения матери, Ольге Дмитриевне Колыбиной, и использовал написанные ею воспоминания о собственном детстве. Но как разительно отличаются типичные для многих семей сухие записи, фиксирующие факты и имена, от узорчатой канвы книги, в которой автор сумел развернуть перед читателем сложный, загадочный и полный открытий мир, шаг за шагом постигаемый маленьким ребёнком. В том же году книга получила первую премию Всесоюзного конкурса на лучшую детскую книгу, а вскоре была выдвинута на Государственную премию. «Проза должна быть такой, – говорил Юрий Коваль, – чтобы ты был готов поцеловать каждую написанную строчку».

Без преувеличения можно сказать, что «Сказки» (1987) латышского писателя Иманта Зиедониса, «Чубо из села Туртурика» (1983) и «Гугуцэ и его друзья» (1987) молдаванина Спиридона Вангели, стихи и проза других детских писателей стали широко известны в России именно в переводах-пересказах Коваля. Произведения эти, не теряя авторского своеобразия, получали вторую жизнь на русском языке благодаря свойственным писателю глубокому пониманию образности, богатству словаря, умению каждое слово поставить на единственно правильное место.

Восемь лет, как и «Недопёска», писал Юрий Коваль «Самую лёгкую лодку в мире» (1984) – «правдивую» повесть о путешествиях на необычной бамбуковой лодке по таинственным «макаркам» и заросшим «кондраткам» к Багровому озеру. Книга была удостоена Почётного диплома Международного совета по детской книге. В одном из интервью писатель говорил: «Я считаю прозу не на страницы даже, а на фразы, на предложения, на абзацы, на пассажи. Один пассаж написался вдруг – бах! – и сразу получился. Над вторым пассажем можно работать три-четыре недели, если он не складывается. Годы уходят на некоторые предложения». В прозе Ковалья обыденность сливается с мистикой, а повседневность реальной современной жизни легко превращается в фантазмагорию.

«Самая лёгкая лодка в мире» – одна из книг, проиллюстрированных автором. И это не было временным увлечением: у Ковалья вообще не было хобби. Всё, чем он занимался, он делал профессионально, быстро и основательно обучаясь тому, что вызвало его интерес. Со стороны жизнь его могла показаться лёгкой и успешной, но кроме других талантов Коваль был одарён умением учиться и невероятной трудоспособностью, поэтому и успевал чрезвычайно много.

В конце 1980-х годов в журнале «Мурзилка» Юрию Ковалю предложили поработать с семинаром начинающих детских писателей. Он согласился и вёл его до самой своей кончины.

«Коваль – планета с мощным гравитационным полем, – писала в книге избранных произведений участников семинара писатель и переводчик Наталья Ермильченко. – Каким-то чудом, не очень того желая, он притянул нас из разных концов Москвы. Мы шли в мастерскую наблюдать космическое явление, имя которому – Коваль. И странно было, что он так близко, что он поёт для нас под гитару, читает свою прозу... Обращается к нам: „Очень хорошо. Но не гениально! А надо гениально!“ И в то же время мы чувствовали, что это – иллюзия, что между Ковалём и нами – миллионы световых лет, преодолеть которые столь же трудно, как дойти пешком до любимого им Ориона. И потому страшно было ему читать и неловко – звонить, и потому на каждый семинар мы бежали как на самый последний, бросая семьи, дела и друзей».

Первые слова «Суера-Выера» (1997), последнего произведения Коваля, были написаны в 1955 году. На лекциях Коваль вместе с однокурсниками сочинял стихи о преподавателях и студентах. Постепенно эти сочинения трансформировались в текст, напечатанный тогда в факультетской газете «Словесник» под названием «Простреленный протез». Спустя много лет Коваль оставил из него лишь несколько фраз. Возможно, этот «пергамент» (так значится в подзаголовке) о путешествии фрегата «Лавр Георгиевич» по разбросанным в некоем океане странным островам: Тёплых Щенков и Сухой Груши, Валериан Борисычей и Пониженной Гениальности, Открытых Дверей и т. д. – воплощение его идеи чисто-

го искусства, апофеоз литературных экспериментов Ковалёва, материализовавшаяся любовь к Рабле и Гоголю, Сервантесу и Свифту. Белла Ахмадулина, которой посвящены три книги Юрия Ковалёва, писала: «Его письменная речь взлелеяна, пестуема, опекаема всеми русскими говорами, говорениями, своесловиями и словесными своеволиями».

За роман «Суер-Вьер» посмертно (писатель скончался 2 августа 1995 года) в 1996 году Ковалёву была присуждена премия «Странник» Международного конгресса писателей-фантастов, название которой так соответствует настроению последнего произведения и последних лет жизни Ковалёва. «Дело не в том, – говорил он в одном из интервью, – сколько ты прошёл, а сколько ты пережил за количество пути. Скитание – это вещь такая. Скитаться можно, сидя на месте».

Как только ни называли этот роман Ковалёва: взрывоопасной смесью смеха и слёз, самым весёлым романом последнего десятилетия, романом-фантазией, грустно-весёлой прозой, самой лёгкой и самой полной, даже переполненной книгой, но самое точное, на мой взгляд, определение – «весёлое прощание с миром» – принадлежит режиссёру и писателю Михаилу Левитину, поставившему «Суера-Вьера» на сцене Московского театра «Эрмитаж» в 2004 году.

Хотя и прощание у Ковалёва получилось не совсем обычным: две книги были опубликованы ему «вдогонку», спешили, но не успели порадовать его при жизни. Третья, глав-

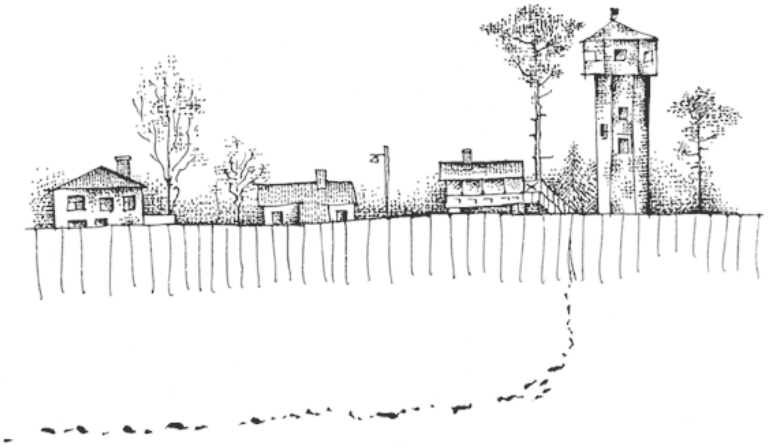
ная книга последних лет его жизни не спешила и лишь через три года скитаний по издательствам увидела свет. И еще несколько лет в разных газетах и журналах выходили взятые и не опубликованные при жизни интервью с Юрием Ковалём как его прощальный привет всем нам.

Ирина Скуридина

Недопёсок

Часть первая

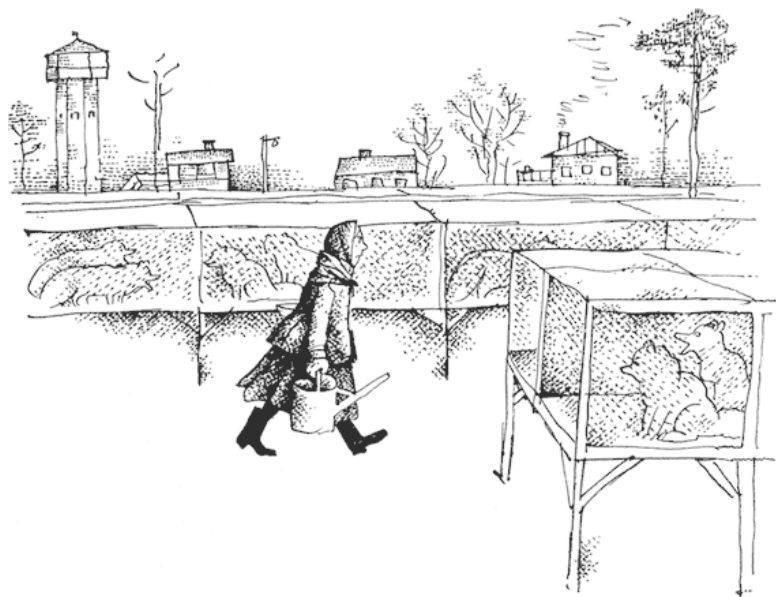
Побег

Ранним утром второго ноября со зверофермы «Мшага» бежал недопёсок Наполеон Третий.

Он бежал не один, а с товарищем – голубым песцом за номером сто шестнадцать.

Вообще-то за песцами следили строго, и Прасковьюшка, которая их кормила, всякий раз нарочно проверяла, крепкие ли на клетках крючки. Но в то утро случилась неприятность:

директор зверофермы Некрасов лишил Прасковьюшку премии, которая ожидалась к празднику.

– Ты прошлый месяц получала, – ска зал Некрасов. – А теперь пускай другие.

– Ах вот как! – ответила Прасковьюшка и задохнулась. У неё от гнева даже язык онемел. – Себе-то небось премию выдал, – закричала Прасковьюшка, – хоть и прошлый месяц получал! Так пропади ты пропадом раз и навсегда!

Директор Некрасов пропадом, однако, не пропал. Он ушёл в кабинет и хлопнул дверью.

Рухнула премия. Вместе с нею рухнули предпраздничные планы. Душа Прасковьюшки окаменела. В жизни она видела теперь только два выхода: перейти на другую работу или кинуться в омут, чтоб директор знал, кому премию выдавать.

Равнодушно покормила она песцов, почистила клетки и в сердцах так хлопала дверками, что звери в клетках содрогались. Огорчённая до крайности, кляла Прасковьюшка свою судьбу, всё глубже уходила в обиды и переживания и наконец ушла так глубоко, что впала в какое-то бессознательное состояние и две клетки забыла запереть.

Подождав, когда она уйдёт в теплушку, Наполеон Третий выпрыгнул из клетки и рванул к забору, а за ним последовал изумлённый голубой песец за номером сто шестнадцать.

Алюминиевый звон

Песцы убегали со зверофермы очень редко, поэтому у Прасковьюшки и мысли такой в голове не было.

Прасковьюшка сидела в теплушке, в которой вдоль стены стояли совковые лопаты, и ругала директора, поминутно называя его Петькой.

– Другим-то премию выдал! – горячилась она. – А женщину с детьми без денег на праздники оставил!

– Где ж у тебя дети? – удивлялась Полинка, молодая ра-

ботница, только из ремесленного.

– Как это где! – кричала Прасковьюшка. – У сестры – тройня!

До самого обеда Прасковьюшка честила директора. А другие работницы слушали её, пили чай и соглашались. Все они премию получили.

Но вот настало время обеда, и по звероферме разнёсся металлический звон. Это песцы стали «играть на тарелочках» – крутить свои миски-пойлушки.

Миски эти вделаны в решётку клетки так ловко, что одна половина торчит снаружи, а другая – внутри. Чтоб покормить зверя, клетку можно и не отпирать. Корм кладут в ту половину, что снаружи, а песец подкручивает миску лапой – и корм въезжает в клетку.

Перед обедом песцы начинают нетерпеливо крутить пойлушки – по всей звероферме разносится алюминиевый звон.

Услышав звон, Прасковьюшка опомнилась и побежала кормить зверей. Скоро добралась она до клетки, где должен был сидеть недопёсок Наполеон Третий. Прасковьюшка заглянула внутрь, и глаза её окончательно померкли. Кормовая смесь вывалилась из таза на литые резиновые сапоги.

Характер директора Некрасова

Цепляясь кормовым тазом за Доску почёта, в кабинет директора вбежала Прасковьюшка. Она застыла на ковре по-

среди кабинета, прижала таз к груди, как рыцарский щит.

– Пётр Ерофеич! – крикнула она. – Наполеон сбежал!

Пётр Ерофеич Некрасов вздрогнул и уронил на пол папку с надписью: «Щенение».

– Куда?

Прасковьюшка дико молчала, выглядывая из-за таза.

Директор схватил трубку телефона, поднял над головой, как гантель, и так ляпнул ею по рогулькам аппарата, что несгораемый шкаф за его спиной сам собою раскрылся. Причём до этого он был заперт абсолютно железным ключом.

– Отвинтил лапкой крючок, – забормотала Прасковьюшка, – и сбежал, а с ним Сто шестнадцатый, голубой двухлеток.

– Лапкой? – хрипло повторил директор.

– Коготком, – пугливо пояснила Прасковьюшка, прикры-

ваясь тазом.

Директор Некрасов снял с головы шапку, махнул ею в воздухе, будто прощаясь с кем-то, и вдруг рявкнул:

– Вон отсюда!

Алюминиевый таз брякнулся на пол, заныл, застонал и выкатился из кабинета.

Про директора Некрасова недаром говорили, что он – горячий.

Давило

Горячий человек директор Некрасов был тощ и сухопар. Он ходил круглый год в пыжиковой шапке.

На своём посту Некрасов работал давно и хозяйство вёл образцово. Всех зверей знал наизусть, а самым ценным придумывал красивые имена: Казбек, Травиата, Академик Миллионщиков.

Недопёсок Наполеон Третий был важный зверь. И хоть не стал ещё настоящим песцом, а был щенком, недопёском, директор очень его уважал.

Мех Наполеона имел особенный цвет – не белый, не голубой, а такой, для которого и название подобрать трудно. Но звероводы всё-таки подобрали – платиновый.

Мех этот делился как бы на две части, и нижняя – подпушь – была облачного цвета, а сверху покрыли её тёмно-серые шерстинки – вуаль. В общем, получалось так: облако, а

сверху – серая радуга. Только мордочка была у Наполеона тёмной, и прямо по носу рассекала её светлая полоса.

Всем на звероферме было ясно, что недопёсок перещеголяет даже Наполеона Первого, а директор мечтал вывести новую породу с невиданным прежде мехом – «некрасовскую».

Узнав о побеге, директор Некрасов и бригадир Филин кинулись к забору. Они мигом пролезли в дырку и сгоряча в полуботинках побежали по следу.

– Сколько раз я говорил – заделать дырку! – кричал на ходу директор.

– Так ведь, Пётр Ерофеич, – жаловался в спину ему Филин, – тёсу нету.

Очень скоро они начерпали в полуботинки снегу и вернулись на ферму. Переобулись. Прыгнули в «газик», помчались в деревню Ковылкино. Там жил охотник Фрол Ноздрачёв, у которого был гончий пёс по имени Давило.

Ноздрачёва дома они не застали.

– Откуда я знаю, где он! – раздражённо ответила жена. – Он мне не докладывает.

– Гони в магазин! – крикнул Некрасов шофёру.

Охотник Фрол Ноздрачёв действительно оказался в магазине. Он стоял у прилавка с двумя приятелями и смеялся.

– Товарищ Ноздрачёв! – строго сказал директор. – У нас трагедия. Сбежал Наполеон. Срочно берите вашего кобеля и выходите на след.

Охотник Фрол Ноздрачёв лениво поглядел на директора и повернулся к нему левым ухом. Охотник имел свой характер, и характер этот шептал Ноздрачёву, что трагедия директора пока что его не касается.

Характер Фрола Ноздрачёва любил сидеть в тёплом магазине с приятелями.

– Я человек занятой, – недовольно сказал Ноздрачёв, – поэтому интересно, что я за это буду иметь? Какие привилегии?

– Немалые, – ответил Некрасов.

Через полчаса русский гончий Давило – огромный широкоплечий пёс с печальными глазами – был поставлен на след у забора.

– Давай! Давай! – орал на него Ноздрачѐв, которому посулили премию.

Давило обнюхал следы, и запах показался ему противным. Жѐсткий, железный. Нехотя, без голоса, побежал Давило по следу.

Снежное поле

Пролезши сквозь дыру в заборе, песцы быстро побежали в поле, но уже через десяток шагов остановились. Их напугал снег, который был под ногами. Он мешал бежать и охлаждал пятки.

Это был второй снег нынешней зимы. На поле был он пока неглубок, но всё же доходил до брюха коротконогим песцам.

Точно так напугала бы песцов трава. Раньше им вообще не приходилось бегать по земле. Они родились в клетках и только глядели оттуда на землю – на снег и на траву.

Наполеон облизнул лапу – снег оказался сладким.

Совсем другой, не такой, как в клетке, был этот снег. Тот только сыпался и сыпался с неба, пушистыми комками собирался в ячейках железной сетки и пресным был на вкус.

На минутку выглянуло из облаков солнце. Под солнечным светом далеко по всему полю засверкал снег сероватой синевой и лежал спокойно, не шевелился.

И вдруг почудилось недопёску, что когда-то, давным-давно, точно так же стоял он среди сверкающего поля, облизывал лапы, а потом даже кувырчался, купался в снегу. Когда это было, он вспомнить не мог, но холодные искры, вспыхивающие под солнцем, вкус снега и свежий, бьющий в голову вольный его запах он помнил точно.

Наполеон лёг на бок и перекувырнулся, взбивая снежную

пыль. Сразу пронизал его приятный холодок, шерсть встала дыбом.

В драгоценный мех набились снежинки, обмыли и подпушь, и вуаль, смыли остатки робости. Легко и весело стало недопёску, он бил по снегу хвостом, раскидывал его во все стороны, вспоминая, как делал это давным-давно.

Сто шестнадцатый кувыркаться не стал, наверно, потому, что не вспомнил ничего такого. Окунул было в снег морду – в нос набились морозные иголки. Сто шестнадцатый нервно зафыркал.

Наполеон отряхнулся, будто дворняжка, вылезая из пруда, огляделся и, наставивши нос свой точно на север, побежал вперёд, через поле, к лесу. Сто шестнадцатый поспешил за ним, стараясь повыше выпрыгивать из снега. У стога, который высился на опушке, Наполеон Третий остановился.

Снег был здесь изрыт. На нём отпечатались какие-то звёзды, от которых пахло приятно и враждебно. Это были лисьи и пёсьи следы.

Вдруг под снегом кто-то свистнул в тоненькую косточку.

Недопёсок прыгнул, прихлопнул снег лапой и вытащил наружу полевую мышь.

В лесу

Мышей у стога оказалось полно. Попискивая, шныряли они в перепревшем сене, и Наполеон гонялся за ними, хло-

пал по снегу лапами и хвостом.

Сто шестнадцатому тоже хотелось поохотиться на мышей, да больно уж непривычным было такое дело. Вдруг прямо из-под носа у него выскочила мышь. Сто шестнадцатый схватил её, проглотил и подпрыгнул от ужаса.

Перепуганные мыши спасались под стогом.

Наполеон раскопал в сене пещерку, засунул туда нос. От крепкого сенного запаха закружилась голова. Пахло сенодушными июльскими грозами, ушедшим летом.

Мыши затаились, и песцы бросили охоту, побежали к опушке леса. Пересекли березняк, добрались до больших деревьев.

Это были старые ёлки.

На их макушках гроздьями висели зрелые медные шишки. У подножия, куда не навалило ещё снегу, ярко зеленел мох, а толстые стволы облеплены были серыми звёздами лишайника.

Морозной смолой пахли подошвы деревьев, стволы опасно уходили вверх, сплетались там ветвями и вливались в небо высоко над головой.

Вдруг сверху послышался тревожный и сильный стук. В красном грозовом шлеме на осине сидел чёрный дятел, долбил дупло. Заметив песцов, он крикнул пронзительно, расставил в воздухе бесшумные крылья, нырнул в еловый сумрак.

На крик его прилетела сорока.

«Страх-страх!» – сварливо закричала она.

Наполеон твякнул в ответ, угрожающе взмахнул когтистой лапой.

Но сороку это только раззадорило. С дерева на дерево перелетала она над песцами и кричала на весь лес: дескать, вот они, беглецы со зверофермы, лови их, держи!

Под крик сороки песцы выскочили на вырубку, заваленную ломаными берёзками, выкорчеванными пнями. Здесь под кучей еловых веток спал заяц-беляк. Он гулял-жировал всю ночь и спал теперь крепко и спокойно.

Шорох снега и сорочий крик разбудили его. Длинноухий, с выпученными глазами, он с треском выскочил из-под земли у самых ног Наполеона и пошёл сигать по вырубке, перепрыгивая пеньки.

Песцы замерли от ужаса, а потом дунули в другую сторону.

Сорока растерялась. Не могла сообразить, что теперь делать, за кем лететь, над кем трещать. Она раздражённо уселась на ветку козьей ивы, закутила зелёной головой. Настроение у неё совсем испортилось.

Неподалёку, под ёлками, вдруг зашуршал снег, послышалось сопение, и на вырубку выбежал гончий Давило. Он равнодушно глянул на сороку, добежал до заячьего следа и тут оживился. Фыркнул вправо, влево, а после засунул нос свой, похожий чем-то на кошелёк, прямо под кучу еловых веток.

Задрожал от радости собачий хвост, и вылетели песцы из гончей горячей головы.

Давило рывкнул басом и побежал по новому следу, с удовольствием вдыхая сладкий заячий запах.

Загремел голос Давилы под сводами ёлок – звонкой цепью потянулся по лесу, отмечая путь зайца. Недалеко протянулась цепь, дошла до опушки, заглохла на минутку, и тут на конце её, как двойной колокол, ударил гром.

Сорока слетела с козьей ивы и низом-низом, незаметно, быстро и неторопливо скрылась из глаз.

Кто стрелял?

– Что такое! Что ещё такое?! Кто стрелял?

Близкий неожиданный выстрел ошеломил директора

Некрасова, пыжиковая шапка вздрогнула на голове.

Директор стоял на опушке леса в высоких сапогах-броднях, а на руках его были дворницкие рукавицы – хватать, в случае чего, песцов. Выстрела директор никак не ожидал. Наполеон нужен был живым.

– Кто стрелял?! Кто стрелял, я вас спрашиваю! – грозно повторил директор.

– Ясно кто, – угрюмо ответил бригадир Филин, который шевелился неподалёку в кустах, стараясь замаскироваться. – Обормот Ноздрачёв.

Из лесу выскочил Давило. Он был радостно возбуждён, шоколадные глаза его налились кровью.

– Ноздрачёв! – сурово крикнул директор. – Это ты стрелял?

– Да я тут косога зашиб, – послышался низкий, идущий из самой глубины души голос.

Скоро и сам Ноздрачёв вывалился на опушку. От него валил азартный охотничий пар. Заяц, который всю ночь гулял-жировал, болтался теперь у пояса. За три шага пахло от Ноздрачёва кислым бездымным порохом «Фазан».

– Токо выхожу на просек, – возбуждённо стал объяснять Ноздрачёв, – косой чешет. Я ррраз через осинки...

– Где песцы?

– Песцы-то? – растерялся охотник. – Наверно, круги делают.

Директор Некрасов всего секунду глядел на охотника

Фрола Ноздрачёва, но и за эту секунду взглядом успел многое сказать. Оправивши шапку, директор повернулся к охотнику спиной и направился обратно на звероферму. За ним поспешил бригадир.

– Погоди, погоди, – вслед ему сказал Ноздрачёв. – Не волнуйся. Сейчас догоним. Я тут всё кругом знаю, не уйдут.

Звероводы даже не обернулись. По снежному полю уходили они от охотника, и вместе с ними уходила премия.

Тут вспыхнул охотник Фрол Ноздрачёв, и по лицу его пошли багровые полосы, похожие на северное сияние. Вспышки сияния никто, правда, не видел, зато услышали директор и бригадир, как ругается охотник им вслед пустыми словами.

Отругавшись, охотник потоптался на месте и пошёл потихоньку туда, куда вёл его собственный характер.

– Не волнуйтесь, Пётр Ерофеич, – говорил тем временем Филин, догоняя директора. – Побегают, жрать захотят – через недельку сами вернутся.

– Да за недельку они от голода помрут, – недовольно сказал директор. – А если кто-нибудь прихлопнет Наполеона? Что тогда?

– Вот это вопрос! – подтвердил Филин. – Что же делать? Директор закурил, напускал дыму в темнеющее постное небо.

– Надо попробовать Маркиза, – сказал он.

Верейя

Серый денёк ещё посерел, сгустились на небе облака, предвечерний ветер погнал их на юг.

К вечеру оказались беглецы в глухом овраге, на дне которого медленно замерзал чёрный ручеёк. По оврагу, по оврагу, вверх по ручью добежали они до лесного холма-верей.

Здесь, на склонах верей, были барсучьи норы. Барсуки селились на холме с давних времён, насквозь пронизали его норами.

Приближающаяся ночь тревожила Наполеона, хотелось спрятаться от ветра, нагоняющего позёмку. По можжевёловому склону поднялись песцы на вершину и заметили в корнях ёлки тёмную пещеру. Наполеон обнюхал снег вокруг неё, засунул внутрь голову.

Из пещеры пахло сухим песком, смолистыми еловыми корнями. Это была барсучья нора, давно заброшенная хозяевами. Корни, которые оплетали её потолок, медленно росли, шевелились и постепенно завалили ходы, ведущие внутрь верей.

Наполеон залез в пещеру, за ним – Сто шестнадцатый, который сразу забился в угол. Недопёсок свернулся колом у входа, выставил наружу морду и глянул сверху на лес.

Ого, как высоко забрались они! Далеко видны были тёмные леса, робкие деревенские огоньки за лесами, сизая над

огоньками пелена. И совсем уж далеко, как маленький грибок, видна была кирпичная водокачка, отмечающая над деревьями звероферму «Мшага».

Темнело. Из-за еловых верхушек взошла красная тусклая звезда, а за нею в ряд ещё три звезды – яркие и серебряные. Это восходило созвездие Ориона.

Медленно повернулась земля – во весь рост встал Орион над лесом.

О Орион! Небесный охотник с кровавой звездой на плече, с ярким посеребрённым поясом, с которого свешивается сверкающий звёздный кинжал!

Одною ногой опёрся Орион на высокую сосну в деревне Ковылкино, а другая замерла над водокачкой, отмечающей над чёрными лесами звероферму «Мшага». Грозно натянул Орион тетиву охотничьего лука, сотканного из мельчайших звёздочек, – нацелил стрелу прямо в лоб Тельцу, в полнеба раскинувшему звёздные рога.

Зафыркал кто-то внизу, забурчал. Это выходили на охоту барсуки. Они спустились по склону вниз, пропали в овраге.

Стало совсем тихо. Откуда-то, наверно из деревни Ковылкино, прилетел человеческий голос:

– ...Гайки не забудь затянуть...

Затих голос, и нельзя было узнать, какие это гайки, затянули их или нет.

Барсучья ночь

Всю ночь в овраге под верейй возились барсуки.

Это была последняя, как видно, барсучья ночь перед зимней спячкой.

Ворчание барсуков тревожило Наполеона, он никак не мог заснуть, то и дело открывал глаза, готовясь встретить незнакомого врага. Один ворчун, самый старый и такой седой, что даже полосы на носу его посветлели, подошёл к пещере, в которой спали песцы.

Наполеон каркнул на него, как ворон, красным цветом блеснули из пещеры его глаза.

Уж на что стар был барсук, а не смог разобраться, что за зверь перед ним – то ли пёс, то ли лис, кто его разберёт? Старик решил с ним не связываться, скатился в овраг, презрительно что-то бормоча. Он долго ещё бубнил себе под нос, бранил Наполеона.

И следы, собственные следы на снегу, тревожили Наполеона. Они были частью его самого, тянулись по лесам и оврагам, словно гигантский хвост. Вот кто-то потянет за этот хвост и вытащит из норы, из барсучьей пещеры, притащит обратно на звероферму.

Плохо спал в эту ночь и директор Некрасов, хоть и не бранили его барсуки, не бродили под окнами. Снились директору большие неприятности и убытки, которые принёс зве-

роферме сбежавший Наполеон. Дёргался директор, метался под одеялом.

– Катя, – говорил он во сне, – дай кисельку клюквенного.

И Прасковьюшка спала неровно, просыпалась, бормотала, была в подушку кулаками.

Славно спал в эту ночь Фрол Ноздрачѐв, и снился ему тёплый магазин, ящик с макаронами. Грозно, азартно, поохотничьи храпел Ноздрачѐв, так храпел, будто выговаривал фамилию знаменитого немецкого философа: «Фейерррр-бах! Фейерррр-бах!»

Барсучья ночь тянулась долго, и высоко поднялся Орион, медленно наклонился набок, догоняя скрывающегося за горизонт Тельца. Под утро ушёл Орион за край земли, только кровавая звезда с его плеча долго ещё светила над ёлками, тусклая звезда с таким певучим и таким неловким, неповоротливым в наших лесах названием – Бетельгѐйзе.

Перед рассветом протопали барсуки по оврагу в последний раз. Сопя и кряхтя, залезли спать в свои норы. И как только самый старый барсук улѐгся, над далѐкими лесами протянулась брусничная полоса рассвета.

Из оврага тем временем послышалось короткое твяканье, шорох увядших трав, припорошѐнных снегом. Кто-то бежал по следу песцов. Вот прохрустел сухим дудником у ручья и стал подниматься наверх.

Наполеон ощетинился.

Вздрогнул, зашевелился куст можжевельника – и низень-

кий рыжеватый зверь выскочил прямо к пещере. Увидевши Наполеона, он миролюбиво заскулил. Это был самый старый песец со зверофермы, которого звали Маркиз.

Маркиз

Наполеон хорошо знал этого рыжеватого Маркиза.

Маркиз жил в клетке напротив и с утра до вечера дремал, накрывши нос пышным хвостом. Он никогда не метался по клетке, как другие песцы, и не грыз решётку. Целыми днями он мудро спал, а просыпался только лишь для того, чтобы покрутить пойлушку.

Музыку предобеденную Маркиз очень любил и сам был неплохим музыкантом, умел выжать из своего незатейливого инструмента целый набор ликующих, а то и печальных, задумчивых звуков. Душа у него была, как видно, тонкая, артистическая.

Недопёсок терпеть не мог железную музыку. От визга пойлушек шерсть его вставала дыбом, он лаял, стараясь заглушить звон, но почему-то против воли и сам подкручивал миску – не хотел, а она притягивала, заманивала.

Появление Маркиза на барсучьей горе ни капли не удивило Наполеона. Он даже и не задумался, откуда здесь взялся Маркиз, которому полагалось дремать в данный момент на звероферме.

Маркиз тем временем обнюхал Наполеона и Сто шестна-

дцатого, который тоже вылез из пещеры, утомлённо зевая.

И вход в пещеру, и подножие ёлки обнюхал Маркиз. Нанюхавшись барсучьих следов, он презрительно фыркнул.

Маркиз был гораздо старше Наполеона. Уже пять лет крутил он на ферме свою пойлушку. Он был старше, сильнее и властно прохаживался теперь по вершине холма и поглядывал на беглецов.

Маленьким серым носиком обвёл Маркиз голубые горизонты и нацелился на водокачку, отмечающую над лесами звероферму «Мшага».

Недопёску это не понравилось. Он также оглядел горизонты, направил свой нос точно на север и, не раздумывая, стал спускаться с холма, но уже не в овраг, а в другую сторону, к сосновому лесу. Сто шестнадцатый потоптался на месте и потянулся за Наполеоном.

Маркиз, однако, не растерялся, в три прыжка обогнал Наполеона, клацнул зубами у его уха, отщёп плечом и возглавил бег. По силе, по возрасту, по всем правам Маркиз должен был стать вожаком. И в этот спор Сто шестнадцатый решил не вмешиваться, он бежал последним, и легко было ему на проложенных следах.

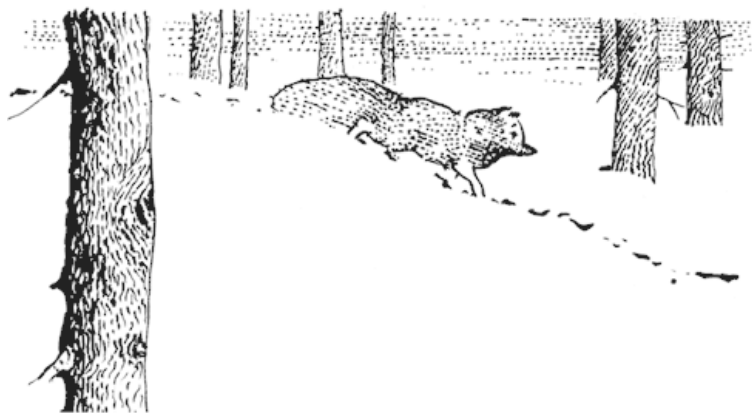
Скоро осталась позади барсучья верёя, поднялся над песцами бор, такой дремучий, что даже и синиц здесь не было. Седобородый глухарь заприметил беглецов, но не шелохнулся в еловом шатре, хоть и невиданными показались ему бегущие звери: рыжеватый Маркиз, платиновый Наполеон и

голубой Сто шестнадцатый.

С полчаса бежал Маркиз на север. Он не оглядывался на своих спутников и не останавливался, уверенно перепрыгивал поваленные деревья, пересекал лесосеки и просеки.

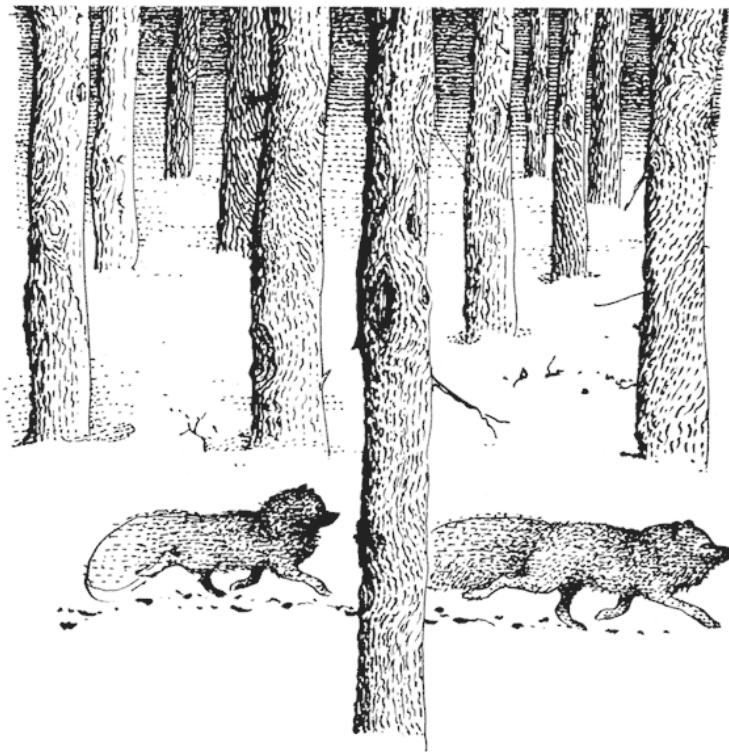
Третий раз в своей жизни оказался Маркиз на воле.

В первый раз, так же как Наполеон, сбежал он и три дня мыкался по лесам. Голодный и ободранный, вернулся на ферму. Через год сбежал другой песец, по имени Рислинг. Дело было летом, и следов беглеца не могли найти. Тогда-то директор Некрасов придумал послать вдогонку Маркиза. Директор понимал, что Маркиз, хлебнувший вольной жизни, обязательно вернётся на ферму. И верно, Маркиз вернулся к обеду, а за ним бежал измученный Рислинг.

Сегодня Маркиз попал на волю в третий раз, но никогда ещё так далеко в лес не забирался. И сам он, когда был беглецом, и Рислинг крутились рядом с фермой, таясь в кустах, слушали предобеденный звон.

Маркиз по-прежнему бежал на север, но чувствовал, что пора уж поворачивать на юг. Огибая буреломы, выискивая будто бы лучшую дорогу, потихоньку, незаметно он загибал, загибал вправо и в конце концов обвёл беглецов вокруг верей, поставил их к северу хвостом.

Наполеон понял, что Маркиз хитрит, но очень уж уверенно вёл его вожак, а сзади поторапливал Сто шестнадцатый, который ни в чём не сомневался.

Кончился сосновый бор, пошли перелески, осинники, и неожиданно небо раскрылось над головой, и прямо перед ни-

ми легло широкое белое поле. А за полем – дощатый забор, редкие ёлки с обрубленными до самых макушек сучками и между ними огромный кирпичный гриб – водокачка, отмечающая над чёрными лесами звероферму «Мшага».

Близко, совсем близко послышалось тьяканье песцов, кислый запах мёрзлой кормовой смеси и пронзительный родной звук – песцы играли на тарелочках.

Сто шестнадцатый разрывается на части

У дырки в заборе Маркиз остановился. Он обернулся к спутникам, игриво вильнул хвостом в сторону зверофермы: давайте, мол, вернёмся, ребята, пожрём, выспимся, а там видно будет.

Сто шестнадцатый сразу обрадовался, запрыгал восторженно вокруг Маркиза, ударил по воздуху лапой, будто крутил пойлушку. Устал Сто шестнадцатый – голубой двухлесток – от этой бестолковой беготни и чувствовал себя сейчас путешественником, который после долгих странствий вернулся домой.

А дома всегда хорошо. Дома ждёт тебя уютная в общем-то клетка, сколько хочешь кормовой смеси, пойлушка, старые соседи, старые привычки, размеренная нормальная жизнь. Да, плохо тем, у кого нет своего дома. Толкутся эти вечные странники там да сям, то прибьются к одному берегу, то при-

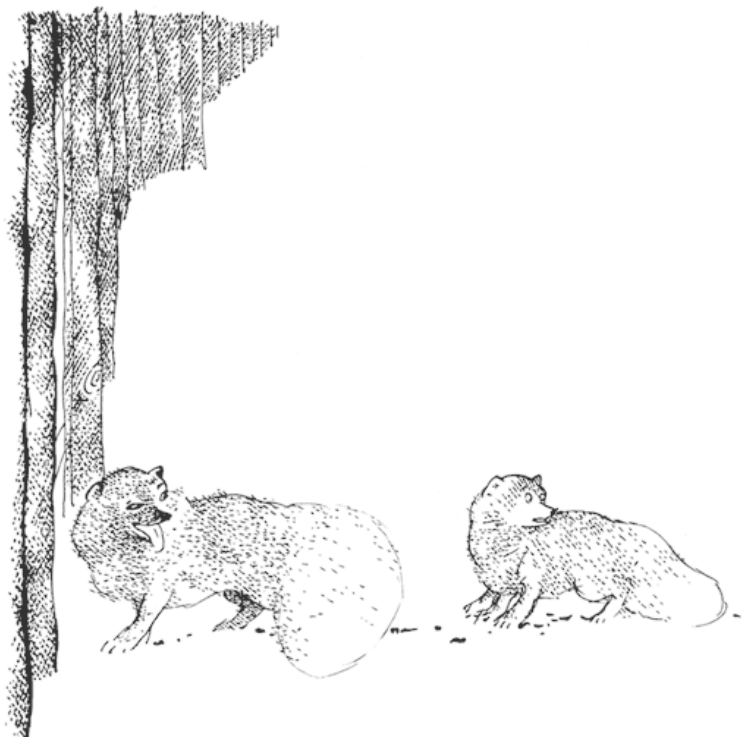
ткнутся к другому, а за душой нету ничего – ни клетки, ни пойлушки.

Звон предобеденный между тем стих, зато усилился запах кормовой смеси – работницы начали кормить зверей. Из щелей в заборе слышались их высокие голоса.

Звон, запах, голоса разбередили Наполеона. Поник вдруг Наполеон, и мех его платиновый обвис, обмяк, потускнел. Что же это такое, откуда снова взялась звероферма? Задумался недопёсок Наполеон Третий, сел по-собачьи в снег.

Ни капли не похож был он сейчас на гордого зверя, похож он был на дворняжку, которую пнули сапогом, чтоб не вертелась под ногами.

Маркиз подскочил к Наполеону, весело куснул его за ухо и попятился к дырке в заборе. Сто шестнадцатый потянулся за ним. Когда уже голова Маркиза скрылась в щели забора, Наполеон жалобно тьякнул. Маркиз остановился. Оглянулся удивлённо Сто шестнадцатый.

В этот момент принял недопёсок решение, тряхнул императорской головой и на глазах превратился из побитой собачки в настоящего пса. Платиновым своим бесценным хвостом повернулся Наполеон к ферме, а нос установил точно на север и побежал потихоньку обратно по своим следам. Сто шестнадцатый растерялся. Душа его разрывалась на ча-

сти. С одной стороны, хотелось перекусить и выспаться, с другой – тянул за собой недопёсок, убегающий в открытое поле.

О недопёсок Наполеон Третий! Круглые уши, платиновый мех!

Ваша величественная чёрная морда обращена точно на се-

вер, и, как стрелка компаса, рассекла её ото лба до носа белая сверкающая полоса!

Прекрасен, о Наполеон, ваш хвост – лёгкий, как тополиный пух, тёплый, как гагачий, и скромный, как пух одуванчика. Одним только лишь этим хвостом укутай свою шею, вечный странник, и валяй хоть на Северный полюс.

О хвост недопёска! Ни лиса, ни соболь не похващаются таким пышным хвостом цвета облака, которое тает в голубых небесных глубинах над березняком или осинником. Торжественнейший хвост, формой похожий на дирижабль.

Душа Сто шестнадцатого разрывалась на части. Одна так и хотела нырнуть в дырку забора, пожрать и выспаться, в другой же части его души зрело чувство товарищества: всё-таки вместе с недопёском они бежали, вместе страдали.

Виновато заскулил Сто шестнадцатый, будто извиняясь перед Маркизом, и, как собачка за хозяином, потрусил через поле вслед за Наполеоном Третьим.

Маркиз не ожидал такого поворота. Он хотел было догнать беглецов, но уж сам приустал и боялся опоздать к обеду. Маркиз тоскливо завыл им вслед.

На краю поля песцы остановились глянуть последний раз на Маркиза. Как маленькое рыжее пятнышко, виден был Маркиз на светлом снегу, перед щербатым забором, из-за которого тянулся запах кормовой смеси и слышался алюминиевый звон.

Серая лиса

Песцы пересекли поле и попали на просёлочную дорогу. Снег смешался здесь с грязью и песком, получился жёлтый кисель, но дорога шла точно на север, и Наполеону нравилось, что на ней почти не остаётся следов.

Песцы долго бежали по дороге.

Вдруг где-то сзади послышался чудовищный рёв.

Громохая пустыми молочными бидонами, скрипя и визжа тормозами, их догоняла грузовая машина «ЗИЛ».

Недопёсок прыгнул в кювет, затаился, а Сто шестнадцатый припал к земле и накрыл голову лапами.

Машина остановилась.

Шофёр Шамов с изумлением глядел на пушистого зверя, пышным пластом лежащего на дороге. Из кабины видно было, как шевелит ветерок жемчужный мех.

«Серая лиса! – подумал Шамов. – Что делать?»

Он бестолково стал шарить под сиденьем в поисках чего-нибудь, чем можно было бы подшибить зверя.

Рука нащупала гаечный ключ. Он вытащил его из-под сиденья, высунулся из кабины и швырнул изо всех сил. Но слишком много надежды вложил он в свой бросок – гаечный ключ раскорякой запрыгал по дороге.

«Перелёт!» – огорчённо подумал Шамов.

Больше гаечных ключей у него не было. Была отвёртка, но

для охоты на лису она не годилась. Пошарив под сиденьем, он вытащил огромную стальную рукоятку, которой заводят грузовик, и мощно метнул её в серую лису.

Заводило до лисы не долетело.

Волнуясь, он скинул телогрейку и вылез из кабины. Развернул телогрейку, как огромное промасленное крыло, и стал подкрадываться к Сто шестнадцатому.

Сердце у шофёра билось отчаянно, боясь упустить такую редкую добычу. Но ещё отчаянней стучало сердце Сто шестнадцатого. Оно стрекотало, как кузнечик.

Не доходя двух шагов, Шамов прыгнул и накрыл песца телогрейкой, прижал коленом к земле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.